

УДК 340.12

Гребеньков Г.В.,

проректор по научной работе и международным связям,
доктор философских наук, профессор,
Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР

Grebenkov G.V.,

*Vice-Rector in Scientific Work and International Relations,
Doctor of Philosophy, Professor,
Donetsk Academy of Internal Affairs MIA DPR*

ПРАВО КАК ПРЕДМЕТ ПОЗНАНИЯ: ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О «НАУЧНОСТИ» ПРАВОВЕДЕНИЯ

В статье рассматриваются концептуальные вопросы сущности и природы права как социального феномена, выявляются и описываются методологические ресурсы, обеспечивающие аутентичное толкование и понимание права, утверждается идея о философской природе методологии исследования права и правовых явлений.

Ключевые слова: право, правовые явления, методология правознания, философия права.

LAW AS A SUBJECT OF COGNITION: ONCE MORE TO THE QUESTION OF LAWSCIENCE «SCIENTIFIC NATURE»

The article considers conceptual issues of law's essence and nature as social phenomena, methodological resources which provide authentic interpretation and comprehension of the law are defined and described, the idea of methodology's philosophical nature of law and law phenomenon research is stated.

Key words: law, law phenomenon, law science methodology.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими заданиями. Тема, вынесенная в качестве объекта исследования, встала перед ее автором в ходе чтения появившихся за последнее время многочисленных статей и монографических исследований, посвященных основополагающим (фундаментальным) проблемам правового знания [1]. Эти проблемы по своей сути фокусируются в главном предмете правознания – выявлении, описании, объяснении и понимании всего комплекса объективных признаков (свойств, характеристик) того социального явления, которое обозначается категорией «право». Причем речь идет не о проблемах феноменологии права, а, скорее, о проблемах, затрагивающих вопросы, относящиеся к природе и сущности права; анализу различных знаниевых конструкций, эти проблемы описывающих; понятийному и категориальному аппарату, позволяющему превращать все теоретические изыскания в реально функционирующую юридическую практику.

Причин, породивших нынешнее состояние дискурса вокруг, казалось бы, решенных когда-то «в принципе» проблем, достаточно много. Это, во-первых, объективные обстоятельства наличия очевидного кризиса «практического» права, который реально присутствует в современной отечественной юридической практике законодательства и правоисполнения. Во-вторых, вхождение в общемировой интеллектуальный правоведческий дискурс четверть века тому назад не в последнюю очередь было связано не только с переосмыслением принципов наличного «советского права» во всех его теоретических и праксеологических модальностях, но и с обнаружением отставания отечественной правовой мысли в области обсуждения и

концептуального разрешения традиционно дискурсивных для мировой, главным образом западной, юридической науки проблем. В-третьих, наступило осознание и понимание того факта, что эти проблемы не являются просто теоретическими, а тем более схоластическими. Напротив, пришло понимание того, что от их концептуального разрешения зависит направленность и логика развития отечественного правознания, отечественной юридической практики, а также правового сознания общества в целом и каждого в отдельности его граждан. В-четвертых, наличие большого, во многом оригинального и, главное, эвристически плодотворного интеллектуального дореволюционного наследия (П. Новгородцев, Б. Кистяковский, Л. Петражицкий и др.) сегодня требует своего осмысления и возрождения как оригинального вклада в общемировой фонд теоретико-правовой мысли. И, наконец, в-пятых, наличие уже очевидно проявляющихся издержек в подготовке за последние годы большого количества юристов-функционеров, теоретически и мировоззренчески недостаточно образованных.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор. В настоящее время многие авторы как в нашей стране (Д.А. Керимов, Г.В. Гребеньков, А.И. Косарев, О.Э. Лейст, И.И. Лизикова, Г.Д. Лихачев, В.П. Малахов, Ф.М. Раянов), так и за рубежом (Р. Алекси, В. Бергман, А. Росе, Г. Радбрух) вновь и вновь возвращаются к «истокам» феномена права – пояснению его сути и феноменологии [2].

Все эти обстоятельства в своем единстве, вероятно, и породили ситуацию столь мощной интеллектуальной рефлексии, которая не в последнюю очередь и вылилась во множество публикаций по фундаментальным проблемам правознания.

Нерешенные ранее части общей проблемы, которым посвящается обозначенная статья. Одним из немногих наличествующих положительных итогов создавшейся ситуации можно считать вполне очевидные подвижки в теоретических подходах к базовым проблемам права. Это прежде всего касается осознания принципиальной «открытости» и дискурсивного характера основополагающих проблем правознания, которые требуют постоянных интеллектуальных усилий не только правоведов с традиционной сциентистской ориентацией на решение своих теоретических задач, но и привлечения исследователей, у которых в качестве методологии и проблемного интеллектуального поля выступает философия, точнее, такой ее раздел, как философия права.

Среди прочего фактором, подтверждающим правомерность подобного суждения, служит не только количество публикаций по различным философским аспектам правознания, но и введение курса «философия права» в качестве обязательной дисциплины подготовки юристов. Все это в совокупности обусловило возможность появления данной статьи, а также наложило отпечаток на стиль, способ изложения, логику аргументации моего профессионального как философа понимания и решения вынесенной в название теоретической задачи.

Формулировка целей статьи. Суть ее можно свести к следующему: выявить средствами рационального, присущего философскому знанию дискурса объективные характеристики социального феномена, описываемого категорией «право», а также постараться аргументировать те когнитивные конструкции, которые могут дать имманентное природе и сущности права знание. По сути дела, речь идет о создании предпосылок становления (обсуждения, формирования) новой парадигмы концепции права, необходимость которой с учетом всего вышесказанного очевидна. И первым условием процесса творческого переосмысления, вероятно, может стать расширение самого смыслового поля обсуждаемых проблем в контексте альтернативности выдвигаемых гипотез, идей, способов решения и введение их в научный и не только научный гносеологический оборот.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Во множестве определений права, которые в огромном количестве представлены в словарях, популярной и специальной юридической литературе, мы сталкиваемся в большинстве случаев с взаимодополняющими друг друга, а подчас и взаимоисключающими определениями. Главная причина такого порядка, на наш взгляд, кроется не только в различных методологических подходах и гносеологических установках авторов дефиниций, – хотя, скажем, приверженность принципам так называемого «позитивного права» или «естественного права», безусловно, даст отличные друг от друга определения и в самой сущности и природе права как объективного социального явления бытия. Поэтому любое узкопрофессиональное определение права с точки зрения (угла зрения) предикативности (уголовное, гражданское, административное, хозяйственное) всегда даст некий срез, аспект выражения сущности и, следовательно, всегда будет феноменальным определением.

Философское знание, исходя из своего предмета и задач, призвано выводить знание на ноуменальный (сущностный) уровень исследования – уровень поиска предельных характеристик (свойств) объекта, вне которых содержание предмета и сам предмет исследования перестают существовать как таковые. Это необходимо для того, чтобы, согласно общепринятой в гносеологии процедуре анализа, выйти на главное в процессе построения теории – определение исходного понятия концепции, в данном случае определение понятия «право»; зафиксировать его эпистемологический статус и, наконец, выявить имманентную его сущности знаниевую конструкцию и методологию изучения.

В связи с этим первое замечание по процедуре анализа, о котором следует говорить, имеет отношение к методологии исследования права. Так, если мы станем на позиции научного мировоззрения с его критериями объективности знания, практической опытной верификацией выдвигаемых положений, доминированием в построении концепции «суждений факта», а не «суждений ценности» (оценки), иначе говоря, всем тем методологическим инструментарием, который стоит на вооружении так называемого «позитивного права», то нам понять многое в сущности права не удастся. Возможно, именно это обстоятельство привело к тому, что самостоятельная и, главное, предметная проблема определения сущности права в так называемом «позитивном праве» – оказалась просто «снятой» и была подменена сциентистскими (позитивистскими) доказательствами ее эфемерности, а собственно проблема сущности права была растворена в эмпирически данных фактах правовой практики законотворчества, реализации власти, законоприменения и т.п.

С точки зрения методологии познания, весь анализ был сведен к описанию и объяснению, то есть тем гносеологическим процедурам, которые не выводят к постижению Смысла права, за которым прежде всего просматривается проблема понимания и интерпретации самой Идеи права. А то, что Смысл и Идея – суть структурообразующие признаки (свойства) права, вне которого дать определение понятия права невозможно, вытекает из специфики природы права как результата человеческой телеономной (телеос – цель, номос – закон) сознательной деятельности.

Ведь право как нравственность и мораль принадлежит к тем краеугольным основаниям организации человеческой социальности (коммуникации, взаимодействия людей через целеполагание), которые иначе как элементами социальной технологии и не назовешь. Говоря метафорически, если государство, сообщества (этнические, религиозные и т.п.) людей, социальные институты суть элементы структуры общественной жизни, а различные отношения – хозяйственно-экономические, политические, социальные, мировоззренческо-идеологические – можно уподобить «кровеносным сосудам», связующим в единое целое структуру и отношения, образуя тем самым систему

общественного бытия, то нравственность, мораль, право – это компоненты программы, задающей логику развития всей системы, точно также как генетическая программа, передаваемая по каналам наследственной памяти, задает логику развития человеческого организма. Вне этой программы нет развития человека, нет его эволюции (онтогенеза) от биологической особи к высшей ступени социальности человека – личностной проявленности в бытии. Мы полагаем, что Смысл и Идея права не подвластны научному анализу с его методологическими установками и критериями, а требуют иных знаниевых подходов и способов познания, иначе – иной методологии.

К сожалению, сегодня в области интерпретации и понимания как гносеологических процедур гуманитарного (философского, художественного, религиозного) знания, непосредственно связанных с проблемой смысла, властвует то эпистологическое состояние, которое известный методолог науки П. Фейерабенд назвал «методологическим анархизмом». Отзвуком этого состояния в правознании может быть суждение, «что интерпретация понятия права никогда не была и сегодня не является однозначной» [3, с. 24]. Если это так, то почему?

Если это верное суждение, то уже в силу вышеприведенных обстоятельств дать краткое, емкое, аутентичное определение права на уровне понятия, которое разом бы охватило все функции и элементы морфологии, выявило генезис и отразило эволюционную логику как диалектику становления ноумена права и его природу, – задача чрезвычайно трудная и, возможно, вовсе невыполнимая. Тем не менее «открытость» проблемы требует продолжения интеллектуального дискурса над предметом нашего исследования и обуславливает необходимость феномен права понятийно оформлять.

Поэтому исходной гносеологической процедурой по отношению к предмету нашего рассмотрения должен стать акт выбора методологии анализа и интерпретации как результат понимания того, что право изначально есть продукт и способ осуществления человеком своего бытия. В чем же состоит специфика этого бытия в исходном, основополагающем и как интерпретировать и понять?

Самое первое рефлексивное осмысление взаимосвязи человека с реальностью очевидно убеждает нас в наличии деятельностной, познающей и оценивающей способностей, присущих человеку. Эти способности представляют собой безусловные трансисторические основания интеграции человека в бытие, и в практике мы имеем дело с их единством. Однако все же первым фундаментальным аспектом человеческого праксиса является акт оценки (П.К. Анохин, Э.А. Костандов, П.Ф. Симонов). Эта эволюционно-исторически сформировавшаяся способность человека осваивать противостоящую ему реальность через акт оценивания определяет изначально его способ понимания природного и социального мира, а также способ его действия в нем. В праксисе, где оценка и познание слиты, освоение действительности начинается способом вычленения значимых объектов реальности с целью удовлетворения потребностей. Именно с оценки, а не с «чистого познания» начинается практическая деятельность человека.

Адаптационная деятельность всякого живого начинается с акта «рассечения» реальности, следствием которого становятся особые формы отражения самой реальности и ее результата в виде значимых, незначимых и нейтральных для человека объектов действительности. Эта расчлененность реальности на значимое и незначимое формирует психологические иерархические структуры отражения человеком мира и вносит в этот мир элемент его освоения и созидания как иерархического и структурированного. Таким образом, все сферы и виды человеческого опыта и практики опосредованы оценкой, то есть именно тем психологическим феноменом, который изначально определяет преференциальный подход человека к окружающей его реальности, какой бы она ни была. И, следовательно, именно он опосредует телеономное отношение человека к бытию и телеологическое его отражение в психике на всех его уровнях, в том числе и сознания.

Телеологически оценивать объект – это значит выявлять не его естественные свойства, а расценивать его таким или не таким с точки зрения критерия «должного быть», то есть судить о нем с точки зрения соответствия должному. Последнее отношение дано вместе с субъектом-носителем деятельности. Это отношение переживается, осмысливается как особое свойство объекта, значимое для индивида, иначе – как ценность. А это означает, что отношение человека к миру как среде своего бытия опосредовано ценностями и это отношение объективно детерминировано самой организацией человеческого психического отражения реальности.

Исходя из этих суждений, мы полагаем, что все продукты и результаты человеческого праксиса суть ценности, а среда общественного бытия представляет собой ценностно-смысловую реальность, где господствуют смыслы как психологические формы аккумуляции объективных значений и индивидуального отношения к объекту.

Человеческий Мир представляет собой единство природного и социального бытия. Но это единство диалектическое – противоречивое в своей сущности и проявленности на уровне устойчивых закономерностей. В природе действуют естественные законы (закон гравитации, сохранения энергии и т.д.), характеризующиеся жесткой причинно-следственной зависимостью. Но этого нельзя сказать о сфере социального бытия, где историческая закономерность пробивает себе дорогу как совокупная цель, совокупная потребность.

Сфера общественного бытия представляет собой человеческий мир культуры, который творится и создается не по законам, предписанным природой, а по законам телеологии, хотя как биологическое существо человек неотделим от мира природы. Это значит, что в обществе «царствуют» не законы, подобные природным, а законы ценности.

Законы общества только тогда содержательно наполняются, а, следовательно, и история становится историей людей, а не скоплением обезличенных тотальных каузальных зависимостей, когда в подходе к обществу начинает господствовать телеологическая точка зрения или, иначе, – ценностный (аксиологический) подход. А это означает, что культура как среда обитания человека должна быть понята прежде всего как воплощенная цель и ценность, а затем уже как социально детерминированный факт.

Целью теоретико-когнитивного подхода является получение научного знания, опирающегося на систему верификационных средств и способов получения «чистого» объективного знания, где в процессе его добывания оно очищается от всяких субъективных пристрастий, мировоззренческих установок, донаучного и вненаучного знания. Продуктом теоретико-когнитивного подхода является знание о действительности как бы вне зависимости от потребностей и интересов субъекта познания, причем эта действительность мыслителя предстает как сугубо природное бытие. Познавая природу, исследователь должен прежде всего объяснить ход природных явлений. Эта же задача стоит и перед исследователем социального мира как мира культуры и истории – продукта телеологического человеческого праксиса.

Социальные явления суть не природные явления, а события, сотворенные людьми, которые в своей деятельности руководствовались целями и потребностями, находящимися в отношении значимости с объектами, вызвавшими к жизни данные потребности и цели. Иначе говоря, в мире социальности господствуют не жесткие каузальные зависимости, характеризующие логику и содержание развития природного мира, а значимостные связи и отношения, детерминируемые субъективными и объективными предпочтениями, характер которых может быть только вероятностным и проявляться только как тенденция. А это значит, что в человеческом бытии господствуют вероятностные закономерности, суть которых может быть понята не столько из анализа объективно складывающейся логики организации хозяйственной деятельности и способа производства, сколько из

анализа значимостных связей, получивших в гуманитарном знании определение ценностей. В результате перед исследователем культуры стоит задача по выявлению, интерпретации и пониманию тех ценностей, которые реально движут поведением как отдельных индивидов, так и массами людей в выборе тех или иных предметов, идей, способов организации общежития и индивидуального образа жизни в качестве ценностей.

Теоретическим мировоззрением всегда была и остается философия как особый вид человеческого познания и знания о предельных основаниях бытия. Это суждение полностью относится к той области философии, которая делает своим предметом исследование и изучение феномена ценности во всех его аспектах проявленности, начиная от раскрытия его природы, выявления сущности до анализа сложных аксиологических систем.

Раздел философского знания, главным предметом которого является ценность во всех ракурсах и аспектах своей проявленности, получил наименование общей теории ценности (аксиологии) и наряду с онтологией (учением о бытии), гносеологией (теорией познания) и философской антропологией (философской теорией человека) представляет собой сердцевину философского знания вообще.

Понятие ценности есть понятие философское и, следовательно, понятие высокого уровня абстракции, дающее возможность фиксировать семантические связи, возникающие между различными субъектами бытия в акте оценки реальности индивидом, различными социальными общностями и обществом в целом. Лишь в философском аспекте понятие ценности, аккумулируя и «снимая» все иные значения определения ценности, обладает наибольшей степенью смыслового (сущностного) содержания. Во всех иных случаях определение ценности получает свое дисциплинарное выражение в различных лингвистических формах. А это значит, что в любой сфере человеческого праксиса ценности как реальные феномены материальной и идеальной природы имеют свое проявление. И задача исследователя состоит в том, чтобы, четко опираясь на адекватную предмету исследования (праву) методологию (теоретико-ценностный подход) как имманентную праву познавательную конструкцию, описать и интерпретировать ценности права в их социально-историческом, антропологическом (личностном) и, вероятно, Абсолютном измерениях на социологическом (внешнем к человеку) и психологическом (внутреннем) уровнях проявленности в бытии.

Но в свете постановки нами проблемы выявления природы и сущности права, а также его понятийного выражения как предпосылки и одновременно результата выбора гносеологических моделей его описания можно четко констатировать: понятие права принадлежит к разряду философских категорий или, иначе говоря, метанаучных. Его содержание, ценностное по своему характеру, опирается на концепцию человека как личности и коллективного субъекта деятельности, а также на концепцию Идеала как учения об абсолютных нормах «должного быть», восходящих все к той же концепции личности. И лишь затем на всей совокупности этих концептуальных построений, взятых в качестве Принципа, формируется прагматика права – вся та проблематика, что традиционно описывается так называемым «позитивным правом» отцами-основателями (И. Бентам, Дж. Остин, Г. Кельзен и др.) и сориентирована на изучение феноменологии права (реальных законов, логики и способов их функционирования, классификации, систематизации вплоть до правовой лингвистики). Методологией познания этих феноменов есть только теоретико-познавательный (научный) подход, позволяющий выявить и описать реальные закономерности и законосообразности реализации практического права. Здесь и философствовать особо незачем, ибо нет предмета для этого.

Выводы по исследованию и перспективы дальнейших поисков в данном направлении. В заключение хотелось бы сказать следующее. Проблема права – предельно комплексная и междисциплинарная, не столько научная, сколько изначально

философская, интенционально восходящая к Человеку как исходному началу и конечной точке своего существования. В этой связи сошлемся на Ф. Батиффоля, одного из теоретиков права, сказавшего следующее: «Чтобы узнать основной высший смысл права, необходимо установить, почему существуют различные общества; но как ответить на это, не зная точно, что представляет собой человек, к чему он стремится, куда идет и должен идти?» [5, с. 20]. Тем не менее полагаем, что отечественная концепция права, в которой есть место как философскому с его спецификой, так и научному знанию, решив свои внутренние (методологические) проблемы, встанет на уровень современных теоретических требований и выдвигаемых временем праксеологических задач.

Список использованной литературы

1. Юсов, П.А. Содержание и смысл права [Текст]: монография / П.А. Юсов. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2011. – 188 с.
2. Керимов, Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права [Текст] / Д.А. Керимов. – М., 2008. – 520 с.; Жоль, К.К. Философия и социология права [Текст] / К.К. Жоль. – К.: Юринком Интер, 2000. – 480 с.; Розин, В.М. Генезис права [Текст] / В.М. Розин. – М.: Юристъ, 2001. – 212 с.; Максимов, С.И. Правовая реальность [Текст]: опыт философского осмысления / С.И. Максимов. – Харьков: Право, 2002. – 328 с.
3. Гребеньков, Г.В. Право как предмет философского и научного познания: принципы и методология демаркации [Текст] / Г.В. Гребеньков // Философия права. – 2010. – № 1. – С. 22-29.
4. Лихачев, Г.Д. Концептуальная структура философии права [Текст] / Г.Д. Лихачев // История государства и права. – 2007. – № 14. – С. 4-5.
5. Лейст, О.Э. Сущность права [Текст] / О.Э. Лейст. – М.: МГУ, 2002. – 288 с.
6. Алекси Р. Понятие и действительность права [Текст] / Р. Алекси. – М.: Берлин; Инфотропик Медиа, 2011. – 192 с.
7. Рабінович, П. Філософія права [Текст]: деякі наукознавчі сюжети / П. Рабінович // Вісник Академії правових наук України. – 2003. – № 4 (35). – С. 3-13.
8. Буржуазные теории права // Реф. сб. – М.: ИНИОН, 1982.

Статья поступила в редакционную коллегию 14.03.2017